

РЕЦЕНЗИИ

УДК 1(091)

Размышления о логике смысла*

Л. Т. Рыскельдиева

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Российская Федерация, 295007, Симферополь, пр. Акад. Вернадского, 4
Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12

Для цитирования: *Рыскельдиева Л. Т.* Размышления о логике смысла // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 1. С. 143–147. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.112>

«Логика смысла» и «философия сознания» — известные словосочетания, и то, что они присутствуют в названии книги, говорит об актуальности, насущности и востребованности ее тематики, ведь чем оригинальнее название, тем более вероятно, что она интересна, прежде всего автору. Необычно здесь слово «как», связывающее логику смысла, в которой в наши дни мы ждем анализа языка текста, и философию сознания, в которой мы готовы к оценке новейших достижений когнитивистики. Но наши «герменевтические ожидания» не оправдываются и стереотипы не работают. Как и другие работы А. В. Смирнова, эта книга их мастерски разрушает, но делает это не свысока, не так, когда готовое знание — у читателя, а автор его девальвирует, тем самым демонстрируя свое превосходство. Подзаголовок книги — «Приглашение к размышлению» — вполне оправдан, читатель участвует в развертывании ее содержания, оно происходит в формате диалога или дружественного обсуждения и движется по естественному руслу, в этом движении внимательный читатель начинает отчетливо видеть свои предрассудки. О чем эти размышления?

Книга А. В. Смирнова — не логический трактат, не программа логицизма для философии, не очередной редукционизм: залогом верности этих отрицаний является ключевое слово «смысл», стоящее в ее названии. Как главный персонаж книги, смысл обеспечивает ей широту аудитории, обращена она к большому кругу спе-

* Рец. на книгу: Смирнов, А. В. (2021), *Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению*, М.: Издательский Дом ЯСК, 448 с.

циалистов и к читателю с разными интересами: метафизика, онтология, логика, когнитивистика, эпистемология, философия культуры, социально-политическая философия, этика, философия истории, востоковедение, сравнительная философия и проч. Эта широта образуется редкой в наши дни полнотой книги: она начинается с самого начала, с исходной метафизической интуиции, хорошо видной каждому сознанию, дает «первое слово» и «запускает» логику смысла — это *интуиция целостности*, и автор настаивает, что именно «целостность», а не целое, которое состоит из частей, является исходной для мышления способностью. Целостность всегда имеется целиком, поэтому изначально в исходной интуиции будучи свернутой, она разворачивается в процессе работы сознания, в мышлении. Чтобы продолжить размышления вместе с автором книги, надо начать с того же начала и продолжить мыслить о том, как мы мыслим, т. е. осуществить философское мышление из самых начал.

Как выражается, объективируется, работает, действует сознание? Загадка сознания разгадывается теоретической философией, нацеленной на понимание того, как мы мыслим, на осознанное и осмысленное мышление.

«Сознание — это способность к целостности», — пишет автор книги, а работа сознания, по его мысли, есть разворачивание целостности/свернутости в разных способах связывать субъект и предикат. Придя туда же, откуда начинал Декарт, А. В. Смирнов обнаруживает, что дальше можно идти не одним путем: *cogito* декартовой формулы говорит о деятельности («мыслю»), а *sum* о существовании («есть»), однако ничто в этой логике не мешает нам сделать столь же неопровержимое утверждение *cogito ergo ago* («мыслю — значит действую»). Почему же главный тезис Картезия звучит не так? Потому что сознание — не чистая доска и из самых начал мышление начинает мыслить в соответствии с тем, чем определяется «Большая культура» — так в терминологии А. В. Смирнова называется способ полагания смысла и ответа на вопрос «Что это значит?». Р. Декарт следует логике своей — европейской — культуры, выросшей из древнегреческих начал, они и определяют способ связи субъекта и предиката, используемый Картезием. Эти начала автор рецензируемой книги называет коллективным когнитивным бессознательным (ККБ), а европейский способ осуществления субъект-предикатной связи — субстанциальным, тесно связанным с использованием глагола-связки «есть». Здесь для мышления образуется «развилка»: можно понимать сознание с помощью *sum*, а можно — с помощью *ago*, можно следовать логике вещей, а можно — логике процессов, для одного мышления мир состоит из субстанций, а для другого мир — это процесс. Европейская культура пошла именно по пути *sum*, значит ли это, что другой путь не реализовался?

Нет, не значит, и именно логика смыслообразования как результат работы сознания позволяет увидеть иной вариант пути и понять совершенно другое мышление. Оно — рядом, за ним не надо отправляться в параллельные миры, достаточно *дать себе труд* и увидеть в другой культуре именно и совершенно Другую. Речь идет о Большой арабо-мусульманской культуре, по поводу которой в философии существует стереотип: у арабов есть фальсафа и «все остальное», знакомое нам, — теология, мистика и проч. А. В. Смирнов его разрушает своим интеллектуальным выбором: он опирается не на материал арабского прочтения античной философии, не на материал исследований европейских востоковедов, а на арабскую традицию

языковедения (АЯТ) и теоретические работы арабских правоведов-факихов. Почему так? Потому что его интересует не то, как арабы интерпретируют греков, а то, как устроен литературный арабский язык и как судит (выносит суждение) представитель арабской культуры. И, как выясняется, логика образования смысла по-арабски, в условиях отсутствия глагола-связки «есть», иная, ее А. В. Смирнов называет процессуальной (П-логика). Понять, осмыслить мир в ней — значит найти *действие*, связывающее действующего (субъект, вещь в С-логике) с его претерпевающим (предикат, качество в С-логике). Процессуальное мышление всегда находит действующего, даже в природных процессах, в которых, по-нашему, никто не действует, а все происходит «само», процессуально мыслимый мир трудно представить с помощью пространственной модели, он делящийся и текучий. Процесс протекает между двумя сторонами, а действие, которое их связывает, выражается глаголом «опираться», который нет нужды и возможности заменять глаголом «быть». Так же, как не следует пару «зāхир — бāтин» («внешнее — внутреннее» или «явное — скрытое») (с. 319) сводить к соотношению «форма — содержание», ибо содержательно эти пары никак не связаны, как не связаны по цели и средствам европейское изобразительное искусство и «мир смысла» арабо-мусульманской художественной культуры.

Но попытки такой замены осуществляются, и автор на страницах книги ведет спор со своими противниками. Теоретические исследования арабо-мусульманской культуры — топос постоянной дискуссии, в которой участвуют те, кто, по его мнению, совершают главную ошибку — «вчитывают» С-логику в материал, который можно понять только в П-логике. Такое вчитывание осуществляется по-разному: можно искать и найти «быть»-подобный глагол в арабском языке, навязывать арабо-мусульманской культуре статус не вполне развитой, пока еще не достигшей уровня европейской, пытаться европеизировать глубинные основания арабской культуры и отказывать ей в праве на свой голос. Среди таких ученых не только европейские арабисты и исламоведы, но и арабские исследователи, принявшие позицию европоцентризма. В споре с ними и в разворачивании целостности по П-логике А. В. Смирнов, опираясь на работы своих предшественников (Аль-Джабири, Е. А. Фролова), по его выражению, «возводит арабо-мусульманский мир», по-рыцарски отстаивает его собственное место в мировой культуре и дает нам ключ к пониманию арабской науки, искусства, этики, права, языкознания, истории.

Однако нельзя думать, что П-логика — исключительно арабская! Сознание каждого человека носит потенцию всех логик, но культура диктует ему одну. Именно поэтому главный тезис рецензируемой книги звучит так: **взаимопонимание возможно**. Дело в том, что философия сознания в качестве логики смысла позволяет понять разные способы мыслить и жить осознанной жизнью, совершать осознанные действия, осмыслять собственные поступки. Все это — разворачивание сознания как способности, которой наделены все люди, а поскольку они живут сообща, то *одна и та же способность* разворачивается *иначе* в разных общностях, в разных культурах. То, что в одной культуре считается вещью или сущностью, в другой будет считаться процессом или действием, а формула *то же иначе* позволяет понимать другую культуру, находясь в своей. Организованные по этой формуле исследования всего, что выросло из сознания в разные логики смыслообра-

зования, выстроенные из разных ККБ и по-разному работающих в науке, религии, искусстве, этике, праве и др., избегнут крайностей современной когнитивистики и связанного с ней нейроподхода, с одной стороны, и историко-социологического релятивизма — с другой. В таком виде философия сознания становится проектом исследования всего человечества, всех путей реализации/развертывания его «сипентальности». Философское востоковедение в этом проекте приобретает особый смысл и становится как источником необходимых знаний, так и способом встречи того *по-настоящему Другого*, который только и может показать нам нас самих. «Продукция» такого востоковедения будет востребована и сможет быть осмысленной гораздо более широким кругом думающих людей. И если 40 лет назад А. Макинтайр с тревогой утверждал, что варвары уже стоят у нашего порога, то сейчас мы можем сказать, что чем дольше мы будем считать их варварами, чем упорнее мы будем видеть в них только мигрантов, тем сильнее будет наш страх перед ними, страх, выросший из непонимания. А именно понимание указывает путь к миру.

По логике автора книги, возникновение субъекта и осуществление субъект-предикатной связки нарушает, расщепляет целостность. А. В. Смирнов в качестве гипотезы выдвигает *концепцию всечеловеческого* и в понимании ее смысла предлагает опираться на интуицию *всесубъектности*, на предвосхищение собранной, восстановленной после расщепления целостности. Эта интуиция уже проявила себя в тяге к общечеловеческому, но в этом контексте она действует исключительно в С-логике, по которой искомое общее навязывается человечеству только из одного источника. Сознание же, давшее себе труд признать, что есть иная логика, проявится, скорее, по его выражению, в «тоске по всесубъектности». Центральный для книги III раздел (в нем только одно Размышление) — самый короткий, и этим автор указывает на место в своем проекте, которое ждет новых исследований, ведь дело восстановления расщепленной целостности должно опираться на знание того, какие расщепления уже произошли. А. В. Смирнов утверждает, что это дело он сам только продолжает, начало его — еще в размышлениях Н. Кузанского, А. Бергсона, Н. Данилевского, П. Сорокина, С. Трубецкого и др. Поиск всесубъектности — не поиск интересубъективности или удачной коммуникации, а начало проекта сохранения локального культурного многообразия, хозяйское отношение к культуре, в которой многое может пропасть или уже пропало под натиском глобализма. Рецензируемая книга призывает к такому сохранению.

Это и трудная, и легкая книга. Легкая потому, что автор сделал все, чтобы облегчить ее чтение, понимание и даже написание рецензии, это книга чрезвычайно уважительная по отношению к читателю, написанная и развернутая просто, понятно, во всех смыслах на русском языке. Академизм современного философского текста именно в этом — в постоянной обращенности к читателю, в том, что текст написан не для человечества или вечности и не для себя, а для конкретного человека. Она очень легко читается с начала до конца, однако эта легкость кажущаяся, на самом деле понимание — это труд, и никто за читателя его не проделает, от него требуется *усилие понимания*. Трудно понять тезис о нетоталитарности исламской культуры, допускающей множество интерпретаций, а точнее «ветвей», вырастающих из «основы», трудно отправиться на поиск пути к человеческой общности (братству?), трудно согласиться с утопией целостности человечества через понятие «всесубъектности», трудно вообще начать думать и писать по-русски и о Рос-

сии. А книга А. В. Смирнова приглашает именно к этому: доверять своей интуиции и не бояться говорить о том, о чем не писали П. Рикёр или Ю. Хабермас, что не волновало Ж. Деррида или Ж. Делёза, к чему не призывают Г. Харман или Ф. Ларюэль. Современные технократы любят вспоминать так называемую теорему Томаса, гласящую, что, если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям. Нет никаких оснований считать проект А. В. Смирнова неисполнимым, поэтому вполне резонны ожидания результатов его реализации, так как в России есть потребность в консолидирующем «общегуманитарном вне-конфессиональном культурном пространстве» (с. 393), и в этом тоже нельзя не согласиться с автором рецензируемой книги.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2021 г.;
рекомендована к печати 27 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Рыскельдиева Лора Турарбековна — д-р филос. наук, проф.; ryskeldieval@gmail.com

Reflections on the logic of meaning*

L. T. Ryskeldiyeva

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, pr. Vernadskogo, Symferopol, 295007, Russian Federation
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Ryskeldiyeva L. T. Reflections on the logic of meaning. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 1, pp. 143–147.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.112> (In Russian)

Received: June 26, 2021
Accepted: December 27, 2021

Author's information:

Lora T. Ryskeldiyeva — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; ryskeldieval@gmail.com

---

* Review of a book: Smirnov, A. V. (2021), *The Logic of Sense as a Philosophy of Mind: Introducing a Novel Approach*, Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK Publ. 448 p.